

Эффективность международного уголовного суда в решении проблем, связанных с геноцидом: взгляд со стороны институционального либерализма

ПОРЕЦКОВА Анастасия Анатольевна

Трагическая реальность XX века показала, что геноцид повсеместен, страны сталкиваются с ним ежегодно, а мировое сообщество чаще всего молчит, закрывая глаза на творящиеся безумства. Однако нельзя сказать, что совсем ничего не делается для реформирования сложившейся ситуации. Одно из таких направлений — это международное право, как гуманитарное, так и уголовное. Поэтому в данном исследовании я остановлюсь на таком международном институциональном органе, как Международный уголовный суд, и его роли в борьбе с геноцидом.

Несмотря на то что в данной статье речь пойдет о конкретном эмпирическом кейсе, прежде всего связанном с международным правом, политическая составляющая здесь имеет не последнее и принципиальное значение. Новизна данной работы заключается в том, что в рассмотрении правового института будет использована теория институционального либерализма. Согласно данной теории, так называемые международные институты, в число которых входит и МУС, являются теперь приоритетными областями развития в международных отношениях. Государства заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве и взаимовыгодных обоюдных обязательствах, таким образом, национальный инте-

рес больше не превалирует над кооперацией. Институциональный либерализм показывает, что мир является теперь многополярным, отказывается от притязаний на непрекращающуюся борьбу между эгоистическими национальными интересами.

Один из ключевых вопросов, который ставит перед собой институциональный либерализм, в наиболее общем виде будет звучать следующим образом: почему в мировой политике акторы, ориентированные на собственные интересы, в определенных обстоятельствах стремятся установить международные режимы с одобрением других акторов? Все предыдущие исследования данных вопросов в традиции теории рационального выбора акцентировали внимание на «теории гегемонистской стабильности» (theory of hegemonic stability). С ее точки зрения, концентрация власти у одного доминирующего государства облегчает развитие сильных режимов, и такая фрагментация власти ассоциируется с коллапсом. Минусы состоят в том, что гегемонистская теория не может объяснить временные лаги (т.е. задержку последствий), внезапные изменения систем, разную длительность существования институтов и также не отвечает на вопрос, почему международные режимы становятся более экстенсивными по сравнению с ранними периодами (например, в XIX веке существовало более сильное гегемонистское лидерство, но менее экстенсивные международные режимы)¹. Таким образом, крайне важно понимать, как именно международные институты, берущие на себя функции построения международных режимов, решают проблему международного сообщества.

Если говорить о либерализме в целом, как о системной теории в рамках международных отношений, то ее базовой предпосылкой будет утверждение: «то, чего желают государства, определяет то, что они делают». Из этой предпосылки можно сделать вывод о том, что государства никем не ограничены в

¹ Keohane R.O. The demand for international regimes // International Organization, 1982. Volume 36. Issue 02. P. 326.

своих действиях. Однако это не так. Либеральная теория не подразумевает, что государства обязательно получают то, что они хотят, или что они не ориентируются на стратегии других акторов международных отношений. Государственные интересы формируются не из сугубо внутрисоциального контекста, а из общества, которое транснационально (т.е. одновременно и национально, и погружено в международную обстановку). Либерализм определяет интересы и ценности определенных социальных групп, рассматривая их в контексте транснационального культурного поля².

Актуальность предложенной темы невозможно переоценить. Геноцид — страшная угроза стабильности всей международной системы. Несмотря на появление все новых и новых возможностей для предотвращения угрозы, мы снова сталкиваемся с ее самыми крайними проявлениями. Эта тема является крайне сложной для сухого академического анализа, так как обладает серьезными моральными основаниями. Очень сложно изучать феномен, который не может быть отделен от эмоциональной и моральной составляющей. Тем не менее необходимо обсуждать и изучать этот вопрос, возможно, меняя дискурс, с помощью которого употребляется сам термин, ради точного и прикладного анализа эффективности путей решения конфликтов, ведущих к актам геноцида. Более широкий тренд указывает на то, что при оценке и разработке решений, посвященных проблеме геноцида в международной сфере, мы можем экстраполировать результаты такого рода исследований на любые другие приоритетные темы международной повестки дня.

Таким образом, проблема исследования, на мой взгляд, заключается в том, что система международного права, касающаяся геноцида и военных преступлений, имеет достаточную историю и опыт, но эффективность решения проблемы геноцида в реальной практике международных отношений от этого не повышается. Как уже было сказано выше, узким примером для разбора ситуации был выбран МУС.

² Moravcsik A. The New Liberalism // The Oxford Handbook of International Relations / Christian Reus-Smit, Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 247–249.

История геноцида: запоздалое появление в мировой политике

История геноцида как такового насчитывает многие и многие столетия. Однако термин, который мы употребляем для того, чтобы определить природу массовых убийств на этнической почве, не является наследием этого многовекового опыта. Именно XX век можно назвать «эрой геноцида», и во многом именно он послужил тому, чтобы геноциду был приписан статус уголовного преступления (близкие к этому: преступления против человечности) без срока давности.

В декабре 1948 года по инициативе и одобрению Генеральной ассамблеи ООН статья 2 Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него определила геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»³.

Что важного можно отметить в данном определении? Во-первых, в нем есть принципиально новое звучание благодаря выражению «с намерением». Получается, что широко-масштабного геноцида и его последствий можно избежать: достаточно зафиксировать факт начала систематического убийства гражданских. Во-вторых, согласно статье 3-й той же Конвенции, подстрекательство, заговор, соучастие, покушение также наказуемы⁴.

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

⁴ Там же.

Ясно, что внезапное появление термина «геноцид» в международных отношениях и в международном праве обусловлено Холокостом — массовым убийством евреев нацистским режимом с целью наказания за якобы совершенные преступления. Для того чтобы полнее представить себе картину нынешней ситуации с понятием «геноцид» в праве и в мировой политике, необходимо проследить его эволюцию в меняющемся мировом процессе.

Начнем с создания самого термина и попробуем определить, какие неочевидные основы его появления могли быть заложены в самом названии и как это влияет на него сейчас. В 1944 году Рафаэль Лемкин назвал массовые скоординированные действия против гражданского населения «геноцидом»⁵. Этот термин производит ошеломляющий эффект, недаром его часто называют не иначе как «самое ужасное преступление из всех». Р. Лемкин, предлагая такую трактовку и всеми силами продвигая Конвенцию, о которой говорилось выше, подразумевал моральный универсализм, то есть что все люди созданы равными и имеют право на жизнь и свободу⁶. Однако в то же время, судя по тому, что он сам был юристом (да еще и пережившим зверства нацистов), большое значение он придавал инициативе криминализировать само это понятие, добиться его преступного статуса в международном праве.

Таким образом, становится ясно, что уже при самом появлении термина «геноцид» в нем была заложена амбивалентная природа: моральный и юридический аспекты. В результате простор и основания для спекуляции оказываются безграничными. Кто-то будет идти в сторону максимизации, кто-то в сторону минимизации, и все это будет использовано с одной целью — для легитимации собственного положения⁷.

⁵ Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation – Analysis of Government – Proposals for Redress. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 80.

⁶ Rafał Lemkin: a hero of humankind / Agnieszka Bieńczyk-Missala, Sławomir Dębski. Warsaw: PISM, 2010. P. 289.

⁷ Moshman D. Conceptual constraints on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Advisory opinion) // Journal of Genocide Research, 2001. №3. P. 440–441.

Следующая вежа: страны-победительницы после Второй мировой войны создают полноценный корпус права с собственными принципами и с формулировкой и определением статуса «преступлений против человечности». Однако есть одна важная оговорка: правовые нормы и санкции, к которым теперь, в числе прочих, относится геноцид, *действуют только во время международных конфликтов*⁸. Именно в это время вступает в силу вышеупомянутая Конвенция.

В период с 1950 по 1990 гг., во времена Холодной войны, очевидно, происходило много событий, которые могли бы подпадать под определение «геноцида», но мировое сообщество не спешило признавать их в качестве таковых, в силу чего наказания не были приведены в действие⁹. Например, режим Пол Пота в Камбодже: по различным оценкам, в результате действий этого фанатика в период 1960–1970 гг. в стране погибло от одного до трех миллионов человек¹⁰. На данном этапе международное право в сфере «преступлений против человечности» работает только с помощью международных трибуналов и на «честном слове» Конвенции, при условии, что есть ведущие державы, которые их не подписали из-за опасности подрыва национального суверенитета (например, США).

Впервые после Нюрнбергских процессов в 1993 году начинает действовать Международный уголовный трибунал по поводу преступлений на территории бывшей Югославии¹¹. Тем не менее предотвращать в зародыше конфликт, приведший к непоправимым последствиям, мировое сообщество вовсе не спешило.

С учетом вышеупомянутых случаев геноцида в XX веке после Второй мировой войны (Камбоджа и бывшая Югославия) *только в 1998 году наконец-то выносятся первое обвинение в подстрекательстве к геноциду Джон-Полу Акайесу*

⁸ См. подробнее: Бест Д. Война и право после 1945. М.: ИРИСЭН, 2010. С. 113–133.

⁹ Past Genocides. Institute for Research of Genocide // http://instituteforgenocide.org/?page_id=111

¹⁰ См. подробнее: Чэндлер Дэвид П. Брат номер один: Политическая биография Пол Пота. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

¹¹ См. подробнее: Международный трибунал по бывшей Югославии // <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>

(Jean-Paul Akayesu) в рамках Международного трибунала по Руанде¹². И только в 2004 году американский министр иностранных дел Колин Пауэлл подтверждает факт геноцида в Дарфуре¹³. Это чуть ли не единственный случай, когда не *post factum*, а непосредственно во время совершения массовых убийств международное сообщество наконец-то признает, что геноцид действительно происходит.

Ужас ситуации заключается в том, что нет должной информированности, нет хорошей юридической базы для наказания и предотвращения преступлений (ведь Конвенция, судя по упомянутым случаям геноцида, провалилась), нет механизмов сдерживания и сглаживания конфликтов. Все это приводит нас к вопросам: а что вообще можно сделать? И что будет наиболее эффективным?

Международный уголовный суд: решение *post hoc*

Данный раздел посвящен вопросам международного права, в частности, амбициозному проекту — Международному уголовному суду. В главе будут рассмотрены основные положения, касающиеся МУС, а также его развитие и критика по отношению к существующей судебной системе. Также будет частично затронута тема международной интервенции, которая является следствием применения и исполнения норм международного права.

МУС: общие положения

Выше уже было упомянуто о двух международных трибуналах — по Югославии и Руанде. Однако следует сказать о другом важном органе, созданном в целях осуществления правосудия над военными преступниками. Нюрнбергский трибунал функционировал с 9 октября 1945 года по 1 октября 1946 года, рассмотрев дела, по существу, главных военных преступников Второй мировой войны. Нюрнбергский и Токийский трибуналы, по сути, являлись первыми трибуналами международного уровня¹⁴. Их беспрецедентность по-

¹² The Rwandan Genocide // <http://www.history.com/topics/rwandan-genocide>

¹³ См. подробнее: Powell declares genocide in Sudan // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/3641820.stm>

¹⁴ Волеводз А.Г., Волеводз В.А. К 10-летию учреждения Международного уголовного суда // КонсультантПлюс: Международное уголовное право и международная юстиция, 2008. № 2. С.8.

служила реальным толчком для создания новых принципов международного права. Надо также отметить, что на долгие годы в течение Холодной войны, о чем уже было упомянуто, данные принципы были «заморожены». Они остались лишь памятью и фактически не применялись¹⁵.

Тем не менее они нашли свое отражение в Статуте Международного уголовного суда. Однако Статут устанавливает ранее не известные международному уголовному судопроизводству принципы. Этим принципам посвящена отдельная глава, но основной принцип, по мнению исследователей, закреплен в 1-й статье Статута — МУС является постоянным органом с международной юрисдикцией, дополняющим национальные органы уголовной юстиции. Данный принцип комплиментарности (дополнительности) отграничивает МУС от других трибуналов, так как для них характерна исключительная или параллельная функция, а не дополняющая¹⁶. В статье 17-й Статута раскрывается данный принцип: МУС осуществляет свою юрисдикцию в том случае, если национальные органы не могут осуществлять уголовное преследование в рамках внутренней правоохранительной системы¹⁷.

Как и во многих других положениях, Статут устанавливает принцип неприменимости обратной силы закона. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если преступление было совершено до вступления Статута в силу. Однако следует помнить, что в Статуте есть механизмы обхода этого правила. Также в статьях 22–23, 25 закреплено, что лицо может быть осуждено только в том случае, если преступление установлено Статутом, и может быть наказано только в соответствии с положениями Статута. Более того, Статут раскрывает принцип индивидуальной ответственности лиц, устанавливая, что лицо будет нести ответственность не только

¹⁵ Scheffer D. Evolution of an International Criminal Justice // <http://www.ushmm.org/genocide/analysis/details.php?content=2012-05-16>

¹⁶ Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // КонсультантПлюс: Международное уголовное право и международная юстиция, 2008. №3. С. 2.

¹⁷ Климова Е.А. Процессуальные аспекты деятельности международного уголовного суда // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4.

в случае индивидуального совершения преступления, но и если лицо приказывает, подстрекает, пособничает или иным другим образом способствует совершению данного преступления.

Как и в предыдущих проектах о создании МУС, преступления, подсудные МУС, указаны непосредственно в Статуте. Данные преступления перечислены в статье 5-й Статута: геноцид, преступление против человечности, военные преступления и преступления агрессии. Сущность каждого из этих преступлений детально прописана в Статуте, но в данной работе будут раскрыты лишь общие характеристики каждого из преступлений.

У Статута нет обратной силы относительно тех преступлений, которые были совершены до его вступления в силу, то есть до 2002 года, и тех преступлений, которые были совершены до признания юрисдикции МУС государством-участником. Однако предусмотрено правило, согласно которому государство-участник может направить заявление о рассмотрении МУС преступления, совершенного до признания юрисдикции. Секретарь МУС при этом имеет право спросить у нового государства-участника, намерено ли оно сделать такое заявление

С одной стороны, это величайшая инновация в сфере международной кооперации по вопросам прав человека. Важно отметить, что помимо преемственности всех принципов и норм, касающихся международного права (трибуналов и т.д.), МУС имеет право расследовать преступления, которые совершены *страной против собственных граждан*¹⁸. С другой стороны, у этого международного института имеется очевидная слабость. Он признается, но не ратифицируется многими странами (в т.ч. Россией). Страны, которые не поддерживают ратификацию статуса МУС, скорее всего, боятся, что правовые нормы могут быть применены против собственных граждан, что подрывает авторитет и суверенитет страны (возможно, что кто-то сможет начать уголовное

¹⁸ Wilkinson P. International Relations. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press Inc., 2007. P.129.

расследование против президента). Еще один немаловажный аспект работы МУС: он может применять собственную юрисдикцию только к резидентам стран, которые ратифицировали программу¹⁹.

Развитие международной уголовной системы

МУС работает относительно недавно, но уже сейчас можно дать некоторую оценку его деятельности. До создания МУС существовало негласное правило, что к главам государств применяются иные санкции, то есть они не могут быть просто привлечены к международной уголовной ответственности²⁰. Конечно, если возвратиться к принципам, утвержденным на Нюрнбергском и Токийском процессах, то там достаточно ясно прописано, что военные преступления не ограничиваются рядовыми офицерами: вышестоящие чины, политическое руководство, даже главы государств подпадают под юрисдикцию трибуналов. Проблема состоит в том, что если вы применяете международные санкции к первым лицам, то это резко снижает шансы на мирное разрешение международного конфликта. Однако стоит посмотреть на эту ситуацию с другой стороны: отсутствие обвинения также не способствует разрешению конфликта. Например, Р. Мугабе из-за простого уважения к своей стране не сел за стол переговоров. В реальности предъявление обвинений может изменить ситуацию, то есть мы меняем соотношение сил и баланс в МО. Главы государств, ответственные за геноцид, происходящий в их стране, теряют легитимность в глазах мирового сообщества и собственного населения. Поэтому не стоит списывать со счетов то, что МУС готов приводить в действие данный конкретный принцип.

В случае с президентом Либерии Чарльзом Тейлором применение санкций и открытые обвинения в преступлениях действительно имели вес и привели к определенным последствиям. Бывшего президента признали виновным

¹⁹ Wilkinson P. International Relations. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press Inc., 2007. P. 129–130.

²⁰ Scheffer D. Evolution of an International Criminal Justice // <http://www.ushmm.org/genocide/analysis/details.php?content=2012-05-16>

во всех преступлениях, которые ему были предъявлены (военные преступления, рабство и т.д.), и 20 мая 2012 года приговорили к 50 годам тюремного заключения²¹. Конечно, нельзя говорить о том, что именно обвинения в его адрес посредством трибуналов послужили основной причиной победы над кровавым политиком, однако пример показателен и в плане юридического опыта может быть использован для борьбы с геноцидом. Способ получается простой — делегитимизировать лидера государства, ответственного за нарушения и преступления против человечности, и самое главное — открыто выступить против него. Правда, в случае с ордерами на арест Башира (Судан) не все еще ясно. Инструмент, может быть, и ненадежный, но необходимый. Один только факт приведения в действие такого рода наказаний — отличное показательное действие для борьбы против своеволия.

Еще один момент, который стоит упомянуть в свете развития уголовной системы в отношении геноцида, — это пункт о «подстрекательстве». Подстрекательство к геноциду карается почти так же сурово, как и обвинение в самом факте совершения данного типа преступления. Этот пункт также является наследием Нюрнбергского и Токийского процессов. Но здесь есть много подводных камней. По идее, подстрекательство выражается в речи, ведь речь — очень мощный инструмент для побуждения к насильственным действиям на национальной почве. Но как международному сообществу отличить речи, полные гордости за свою страну и народ, и публичные выступления, которые сигнализируют о начале этнической чистки или массового истребления? Во-первых, для того чтобы доказать факт подстрекательства к геноциду, не надо доказывать каузальную связь между речью и совершением преступления²². То есть доказательства нужно искать в самой речи. Во-вторых, общеизвестно, что существует такой термин в юриспруденции — риторика ненависти или

²¹ Экс-президент Либерии получил 50 лет тюрьмы // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/05/120529_taylor_sentenced_prison.shtml

²² Benesch S. The New Law of Incitement to Genocide: A Critique and a Proposal/ Materials from Symposium on Preventing Genocide. April, 2009 // http://www.ushmm.org/genocide/spv/pdf/benesch_susan.pdf

язык вражды, этот язык используется для разжигания ненависти и предрассудков по отношению к отдельным лицам или группе лиц, а также побуждает к прямому насилию. Все было бы замечательно, вот только подстрекательство к геноциду как преступление в международном праве существует, а риторика ненависти — нет. Последнее относится к национальным правовым системам (конкретнее, к уголовным).

Помимо первого случая обвинения в подстрекательстве к геноциду в Руанде, в рамках международного трибунала по Руанде были рассмотрены случаи деятельности различных радиостанций и газет, которые прямым или косвенным образом относились к разжиганию ненависти. Например, радиостанция *Radio Télévision Libre des Mille Collines*²³, которую исследователь ДесФоргес назвала не иначе как «голос геноцида» в своей книге по исследованию статистики геноцида²⁴. Международная уголовная система явно очень долго игнорировала факт существования состава преступления в публичных выступлениях, радиопередачах, публикациях в журналах и газетах и т.д. Однако с распространением медиа и в странах третьего мира этот факт больше нельзя игнорировать.

По интегральным оценкам экспертов, существует несколько способов усовершенствовать термин «подстрекательство». Добавлю также несколько пунктов от себя: непосредственная связь между говорящим и аудиторией (слушатели должны понимать, о чем им сообщается), у говорящего должны быть непоколебимый авторитет и власть (этот пункт особенно важен для вменения ответственности высокопоставленным лицам), аудитория способна совершить геноцид (и это не означает, что она делает это сразу после выступления), и, наконец, ограниченность каналов передачи информации²⁵.

²³ Что характерно, на русском языке информация о радиостанции почти отсутствует – к вопросу об информированности мирового сообщества о геноциде и его причинах, последствиях.

²⁴ Des Forges A. Human Rights Watch, *Leave None to Tell the Story*. Michigan: Human Rights Watch, 1999. P.780

²⁵ См. подробнее: Benesch S. *The New Law of Incitement to Genocide: A Critique and a Proposal*/ Materials from Symposium on Preventing Genocide. April, 2009 // http://www.usmm.org/genocide/spv/pdf/benesch_susan.pdf

Провалы и критика системы

К сожалению, несмотря на благородные мотивы и постоянное развитие, международная уголовная система не работает. Даже подкрепление практическими действиями со стороны международного сообщества оказывается тщетным. Кризис в Дарфуре, например, показал, что Совет безопасности ООН не смог даже договориться о гуманитарной помощи, которая должна была быть оказана региону. Этому помешал чрезмерный военный и коммерческий интерес Китая в Судане, который не смогли перевесить никакие правовые нормы, механизмы международного содействия и здравый смысл. Вето на поставку помощи региону Дарфур повергло страну в величайший кризис в феврале 2003 года²⁶.

Плачевная ситуация складывается и с самим фактом признания МУС как такового: как было сказано, не все страны спешат подписать и признать статус суда. Это действительно подрывает всю систему международного уголовного права. Бенджамин Ференц, автор книги «МУС: шаг к всеобщему перемирию» (вольный перевод)²⁷, утверждает, что консерваторы боятся сделать шаг влево или вправо, душат развитие системы на корню. А принципы, которые было обещано защищать в обозримом будущем после Нюрнберга, просто-напросто забыты и канули в Лету²⁸.

Интересна также риторика некоторых исследователей, которые стоят на стороне международного сообщества, оправдывая действия и провалы их гуманитарной активности и судебных разбирательств. Куперман в своей книге «Ограничения гуманитарной интервенции: геноцид в Руанде» утверждает, что если бы помощь была выслана вовремя, то все равно никого не удалось бы спасти²⁹. Очень удобная отговорка для того, чтобы прикрыть недостатки системы, в том числе и недостатки МУС. Когда единственный более менее функционирующий орган (да еще и начавший свою деятельность только в 2002 году), собирая доказатель-

²⁶ Wilkinson P. *International Relations. A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press Inc., 2007. P.126.

²⁷ См. подробнее: Ferencz B. *An International Criminal Court: A Step Toward World Peace*. Oceana Publications, 1980. 1212 p.

²⁸ Cit. ex: Wilkinson P. *International Relations. A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press Inc., 2007. P.130.

²⁹ См. подробнее: Kuperman A. J. *The limits of humanitarian intervention: genocide in Rwanda*. Brookings Institution Press, 2001.

ства, может провести в процессе дознания порядка 7–8 лет (в общем, весь срок своей работы), то запоздалость интервенции и признания геноцида в том или ином регионе становится «нормальным делом». Вообще давайте взглянем в лицо более точной статистике: МУС *довел до конца и полностью* лишь одно дело, которое касается Томаса Лубанга — командира в гражданскую войну в Конго. Однако стоит отметить, что процесс апелляции еще не начался³⁰. Так что все еще впереди.

Стоит разобрать ситуацию с Омаром Баширом, президентом Судана. У обвинителя есть все доказательства, обвинения были предъявлены, выдан ордер на арест, но дело не может быть продолжено, просто потому что обвиняемый не явился в зал суда. Во многом это связано с тем фактом, что МУС не может получить полной и необходимой поддержки своих действий другими странами. Неудивительно, что, по статистике, МУС обвиняет в основном только лиц, представляющих этносы, проживающие в Африке. Проще говоря, кроме Африки, у МУСа интересов, по сути, больше нет.

Если немного отойти назад и вернуться к системе трибуналов, то они тоже никогда не были совершенны. Во-первых, финансовый вопрос — в среднем на один трибунал уходило 16 млн долларов, во-вторых, это вопрос дистанции между международной и национальными системами. То есть люди не всегда понимают, что конкретно происходит за стенами судов и трибуналов. Им не ясно, почему в международной системе не предусмотрена пенитенциарная система. Международному сообществу некуда сажать лиц, признанных виновными. Более того, приходится отправлять преступников в страны, согласные на это. Например, в случае с Югославией осужденных отправили в Швецию, где они были помещены в такие условия, которые даже и не снились простым гражданам бывшей Югославии (это негодование можно сравнить со случаем Брейвика в Норвегии)³¹.

³⁰ Posner E. The Absurd International Criminal Court // : <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303753904577452122153205162.html>

³¹ Smith A. An international justice skeptic // <http://www.usmm.org/genocide/analysis/details.php?content=2009-03-19>

Дальнейшая дискуссия

В заключение хотелось бы сделать итоговый обзор основных причин, по которым МУС и вся международная уголовная система в целом не могут служить адекватным инструментом борьбы против геноцида.

1. Сам корпус права, относящийся к преступлениям против человечности, несовершенен. Понадобился большой промежуток времени для того, чтобы юрисдикция наконец распространилась не только на международные конфликты, но и на внутренние, то есть преступления, совершаемые страной против собственных граждан.

2. Сама природа термина «геноцид» для права недостаточно точна и обладает двойственной природой. Моральный аспект чаще всего превалирует над прагматической составляющей, что порождает многочисленные спекуляции в политическом пространстве.

3. Отсутствие надежной поддержки со стороны мирового сообщества, затрудненный процесс ратификации Статута МУС не позволяет ему раскрыть свой потенциал.

4. Национальный интерес намного чаще побеждает в споре, чем действительное желание помочь, кооперироваться, соблюдать данные мировому сообществу обязательства. Такой пример был приведен с Китаем и гуманитарной помощью в Дарфуре. Получается, что теория институционального либерализма полностью проваливается в случае решения проблемы геноцида. А значит, необходимо искать другие теории и способы разрешения конфликтов.

5. И наконец, последнее, чего я коснулась в меньшей степени, но что нельзя не упомянуть. Это противоречие между международной правовой системой и национальной уголовной системой. Это касается и проблемы ратификации — страны не хотят отдавать граждан на «растерзание» чужеродной правовой силы (также здесь играют роль последствия в виде потери легитимности, ослаблении суверенитета и т.д.). Более того, не всегда проведенные трибуналы и заседания МУС ясны странам, которые выступают по ряду рассматриваемых вопросов стейкхолдерами. Дистанция и непонима-

ние — слишком серьезные факторы, чтобы не учитывать их при разборе ситуации с геноцидом. В свою очередь, две эти составляющие являются принципиальными при рассмотрении поставленной в данной статье проблемы с точки зрения институционального либерализма.

Это ставит перед нами серьезный вопрос о том, насколько возможно сотрудничество относительно вопросов геноцида в международной сфере. Несмотря на то что МУС является правовым институтом, это еще не значит, что он лишен политической составляющей. Как это часто бывает, правовая имплементация приводит к политическим последствиям, и не в последнюю очередь необходимо ставить вопрос о том, какая теория может быть наиболее состоятельной относительно паттернов объяснения и дальнейшей разработки практических действий по эффективному выходу из сложившейся ситуации. Но это является предметом отдельного исследования.

Библиография

1. Бест Д. Война и право после 1945. М.: ИРИСЭН, 2010.
2. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. К 10-летию учреждения Международного уголовного суда // КонсультантПлюс: Международное уголовное право и международная юстиция, 2008. № 2.
3. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // КонсультантПлюс: Международное уголовное право и международная юстиция, 2008. №3.
4. Климова Е.А. Процессуальные аспекты деятельности международного уголовного суда // Международное уголовное право и международная юстиция, 2009. № 4.
5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml
6. Международный трибунал по бывшей Югославии // <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>
7. Чэндлер Дэвид П. Брат номер один: Политическая биография Пол Пота. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005.

8. Экс-президент Либерии получил 50 лет тюрьмы // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/05/120529_taylor_sentenced_prison.shtml
9. Benesch S. The New Law of Incitement to Genocide: A Critique and a Proposal. Materials from Symposium on Preventing Genocide. April, 2009 // http://www.ushmm.org/genocide/spv/pdf/benesch_susan.pdf
10. Des Forges A. Human Rights Watch, Leave None to Tell the Story. Michigan: Human Rights Watch, 1999.
11. Ferencz B. An International Criminal Court: A Step Toward World Peace. Oceana Publications, 1980.
12. Keohane R.O. The demand for international regimes // International Organization, 1982. Volume 36. Issue 02.
13. Kuperman A. J. The limits of humanitarian intervention: genocide in Rwanda. Brookings Institution Press, 2001.
14. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation — Analysis of Government — Proposals for Redress. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.
15. Moravcsik A. The New Liberalism // The Oxford Handbook of International Relations / Christian Reus-Smit, Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008.
16. Moshman D. Conceptual constraints on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Advisory opinion) // Journal of Genocide Research, 2001. №3.
17. Past Genocides. Institute for Research of Genocide // http://instituteforgenocide.org/?page_id=111
18. Posner E. The Absurd International Criminal Court // <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303753904577452122153205162.html>
19. Powell declares genocide in Sudan // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/3641820.stm>
20. Rafał Lemkin: a hero of humankind / Agnieszka Bieńczyk-Missala, Sławomir Dębski. Warsaw: PISM, 2010.
21. Scheffer D. Evolution of an International Criminal Justice System // <http://www.ushmm.org/genocide/analysis/details.php?content=2012-05-16>
22. Smith A. An international justice skeptic // <http://www.ushmm.org/genocide/analysis/details.php?content=2009-03-19>
23. The Rwandan Genocide // <http://www.history.com/topics/rwandan-genocide>
24. Wilkinson P. International Relations. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press Inc., 2007. 146 p.